

Обзор материалов личного архива академика И.Д. Ковальченко

Научная, педагогическая, научно-организационная деятельность выдающегося историка и гражданина Ивана Дмитриевича Ковальченко находит отражение в материалах его личного архива, который без сомнения привлечет внимание будущих исследователей послевоенной советской историографии.

Описание личного архива Ивана Дмитриевича началось осенью 1996 г. Для этой работы под эгидой РАН и исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова была создана специальная комиссия. Перед ее сотрудниками была поставлена задача подготовить личный архив ученого к передаче на государственное хранение. В работе комиссии принимали непосредственное участие академик РАН Л.В. Милов (председатель), Н.Б. Селунская, И.Ф. Юшин, Г.А. Круглова.

В ходе описания материалы личного архива И.Д. Ковальченко систематизировались по 4-м группам: 1) научная деятельность; 2) научно-организационная деятельность; 3) педагогическая деятельность; 4) личные материалы.

Главный подход, который осуществлялся при разборе и предварительном описании архива, можно определить как минимальное перераспределение документов при формировании единиц хранения (или архивных дел). Подобный подход диктовался состоянием обрабатываемого документального собрания. Представляется, что с позиций архивиста-профессионала состояние архива можно оценить как идеальное. И.Д. Ковальченко был внимателен к своим бумагам. Он заботился о том, чтобы не тратить время на поиски необходимых материалов, внимательно систематизировал документы и их подборки складывал в папки. Для хранения подборок использовались также газеты. На папке или газете указывался признак, объединяющий материалы: либо общая тема, либо общая архивная ссылка, либо общее географическое наименование и т. д. В архиве, например, есть папки с такими пометами: «Теоретико-методологические проблемы»; «Классики. Теория и методы»; «Капитализм. Аграрный строй. Материалы и библиография»; «Гагарины. ЦГАДА, Ф. 1262. Оп. 1, Мишинское имение»; «Пугачев»; «Выступление в Хельсинки. 11.IX.90» и др.

Иногда в одной папке или газете находилось несколько подборок. В таких случаях при описании отдельной единицей хранения становилась каждая самостоятельная документальная подборка.

Таким образом, в опись личного архива вносились документальные комплексы, которые были сформированы самим ученым. Неформализованный подход к систематизации материала, как

представляется, позволит в будущем глубже проникнуть в научные замыслы И.Д. Ковальченко, поскольку подобное хранение в значительной степени сохраняет изначальные связи документов внутри комплексов.

В то же время иногда этот подход затруднял распределение единиц хранения по указанным выше четырем группам. В одном комплексе И.Д. Ковальченко нередко объединял материалы, связанные как с его научной, так и научно-организационной деятельностью. Это разнообразие материалов проиллюстрируем составом одного дела. Так, в подборку, объединяющую материалы советско-японской конференции по теме «Экономическое развитие России и Японии в конце XIX — начале XX в.» (Япония, г. Токио, 18—28 октября 1989 г.), И.Д. Ковальченко включил текст собственного доклада и несколько докладов японских участников встречи, список работ некоторых японских историков и тексты их статей, программу конференции и список ее участников, ксероксы авиабилетов, визитки, отчет о проведении встречи, интервью академика В.А. Виноградова японской газете о работе конференции.

Заявленный принцип изначального невмешательства в состав единиц хранения был нарушен при обработке писем. Это отступление объясняется тем, что для основной массы писем, направленных в адрес И.Д. Ковальченко, например, иностранными коллегами, ярко выраженный критерий систематизации не просматривается: они хранились по преимуществу вне каких-либо подборок. Однако иногда письма из-за рубежа входили в состав самостоятельных единиц хранения вместе с другими документами делопроизводственного и научного характера (программами конференций, черновиками ответов И.Д. Ковальченко на письма иностранных коллег, текстами статей). В конечном счете, для обработки писем иностранных ученых к Ивану Дмитриевичу был принят географический признак (страна, откуда пришло письмо), внутри каждой такой подборки письма располагаются по именам отправителей,

Основную массу писем, полученных от соотечественников, Иван Дмитриевич собирал в большой папке. Внутри нее корреспонденция распределялась по годам. Письма хранились в стопках, перевязанных лентой и обернутых бумагой, на которой указывался год. Всего было 11 таких стопок. Стопка с самой ранней корреспонденцией — с 1950-х годов до 1973 г. — имела надпись «Старые». Здесь самым ранним было письмо В.К. Яцунского от 22 июля 1958 г. Последняя по времени подборка датировалась «1989—1992 гг.». Из приведенных дат следует, что после 1974 г. И.Д. Ковальченко стал более или менее регулярно разбирать свою корреспонденцию, пришедшую в истекшем году. Последняя систематизация писем была сделана, скорее всего, в 1993 г. Вне этих хронологических подборок хранились письма академиков Н.М. Дружинина, М.В. Нечкиной, а также единичные письма от других корреспондентов.

При просмотре стопок обнаружилось, что письма расположены не строго по годам их написания. Поэтому было принято решение систематизировать письма в алфавитном порядке фамилий их авторов. Такое расположение писем целесообразно в первую очередь для их учета и хранения.

Для окончательного оформления архивной единицы требовалось дать датировку ее материалов. Безусловно, самые точные даты мы имеем тогда, когда они поставлены самим ученым. И подобных случаев немало. Пунктуальность, собранность, внутренняя дисциплина, присущие Ивану Дмитриевичу как личности, проявились в частности в том, что на многих своих бумагах (конспектах, рефератах, статьях, планах выступлений, архивных выписках) он обозначал время начала или окончания работы над текстами. Этой практике И.Д. Ковальченко следовал с первых шагов своей научной деятельности.

В тех ситуациях, когда материалы архива не имели точных дат, для определения времени их появления использовались разные приемы и наблюдения, поэтому степень точности датировок различна. Достаточно точные датировки дают почтовые штампы на конвертах тогда, когда корреспонденция была недатированной. Еще один путь датирования материалов — даты уже упоминавшихся газет-обложек. Они помогали установить приблизительное время завершения комплектования документов.

Наконец, в ряде случаев использовалось указание на время производства тетрадей. Так называемая залежность' тетрадью, на которых писал И.Д. Ковальченко, была небольшой: тетради использовались сразу после покупки. Подтверждением правильности такой методики датировки служат тетради, посылавшиеся И.Д. Ковальченко в Новосибирск, где в лаборатории по применению математических методов в гуманитарных науках при Институте математики Сибирского отделения АН СССР его материалы обрабатывались на ЭВМ. Так, заполнение И.Д. Ковальченко одной из таких тетрадей с исходными данными и статистическими расчетами по Семеновскому имению Мусиных-Пушкиных (Ярославской губернии) может быть датировано 1964 г., так как указано время производства тетради — «IV квартал 1963 г.». В этой же тетради, возвращенной из Новосибирска, находилось письмо руководителя лаборатории В.А. Устинова, сопровождавшее итоги расчетов и датированное 15 декабря 1964 г.

В результате описания личного архива И.Д. Ковальченко можно сделать вывод — архив начал формироваться в конце 1940-х годов, т. е. в то время, когда будущий академик учился в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Термин «залежность бумаги» используется в современной филологии и означает временный отрезок между производством и использованием бумаги.

Вместе с тем архив содержит небольшой комплекс материалов более раннего времени. Они отражают участие И.Д. Ковальченко в Великой Отечественной войне. Иван Дмитриевич нечасто рассказывал о своей юности, поэтому многие факты его военной биографии остались неизвестными его коллегам. И.Д. Ковальченко еще не достиг 18-летия, когда началась война, с сентября по ноябрь 1941 г. он уже обучался в Рязанском артиллерийском училище. В ноябре 1941 г. он был призван в армию и сразу направлен командиром орудия на Западный фронт, где 9 декабря был контужен. В мае 1942 г., после госпиталей, вновь призван в армию. Служил в артиллерийской батарее 76-миллиметровых пушек. Такие батареи всегда выдвигались вперед и использовались на противотанковых направлениях для уничтожения вражеских танков, долговременных сооружений и живой силы противника. Но и сам артиллерийский расчет был под прицелом врага. Иван Дмитриевич постоянно испытывал это в боевых условиях фронта, что и давало ему право написать на фотографии, где он был снят в октябре 1945 г. с однополчанами: «Мы были всегда и везде первыми и прошли сквозь ливень свинца, грохот снарядов, дым пожарищ. Перед нами не устояло ничто». Иван Дмитриевич участвовал в боях за освобождение Венгрии, Австрии и Чехословакии. Закончил войну в звании гвардии старшего сержанта и в должности командира орудийного расчета. За героизм и проявленное мужество в ходе Венской наступательной операции советских войск он был награжден орденом Красного Знамени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Вены» и др.

О некоторых фактах боевого пути Ивана Дмитриевича сообщает самый ранний документ его личного архива — красноармейская книжка, полученная им 28 июня 1942 г. Последние записи в ней датированы 15 ноября 1944 г. Следующим по времени является небольшой листок бумаги с кратким описанием боевого пути по территории Венгрии и Австрии в марте—апреле 1945 г. той воинской части, в которой воевал И.Д. Ковальченко. Еще два интересных и уникальных документа относятся к послевоенной осени 1945 г. Один документ представляет собой дневник за сентябрь 1945 г., в котором переданы настроения молодого человека, прошедшего через горнило самой страшной войны XX в. Другим документом является еще одна красноармейская книжка, выданная И.Д. Ковальченко перед демобилизацией и подписанная 8 октября 1945 г. Военный этап в жизни И.Д. Ковальченко завершился 14 ноября 1945 г., когда он в московском райвоенкомате был освобожден от воинской повинности, Начинаясь новый период жизни, и вставал вопрос о продолжении учебы и выборе профессиональной стези.

Если говорить о самых поздних материалах личного архива, то это, по-видимому, несколько писем, которые И.Д. Ковальченко получил осенью 1995 г., находясь в больнице.

Подготовленные к передаче на государственное хранение дела имеют разный объем — от 1 листа до нескольких сот листов. Так, каждая из двух частей черновой рукописи монографии «Методы исторического исследования» содержит более 500 листов.

Единицы хранения, отразившие научную деятельность И.Д. Ковальченко, составляют подавляющую часть архивных материалов. И это закономерно. Именно в научной сфере приложение творческих сил Ивана Дмитриевича было максимальным. На многих заседаниях кафедры источниковедения, историографии и методов исторического исследования исторического факультета МГУ, которой он руководил с 1966 г., И.Д. Ковальченко повторял, что научная работа является ключевой, именно она определяет успех исследователя на всех других поприщах — педагогическом, научно-организационном.

Научные материалы представлены статьями и монографиями (в черновом подготовительном и/или завершенном машинописном варианте); подготовительными материалами (фотокопиями архивных источников; архивными выписками; материалами, последовательно отражающими стадии работы ученого с источниками); тематическими библиографиями; рецензиями на научные труды Ивана Дмитриевича и его отзывами на сочинения коллег и т. д.

Вся трудовая жизнь И.Д. Ковальченко прошла в Московском университете им. М.В. Ломоносова. Университет стал главным «рабочим местом» для ученого, хотя у него были и другие «рабочие места»: в Академии наук, редакции журнала «История СССР».

Одна из важных страниц в биографии ученого, связанная с университетом, — обучение на историческом факультете МГУ с 1947 по 1955 гг. Материалы личного архива, возникшие в этот период, представляют огромный интерес, поскольку они отражают особый этап в жизни ученого; когда закладывались многие составляющие его будущего профессионального успеха. Эти материалы также были включены при описании в группу научных материалов. Они немногочисленны: планы и конспекты некоторых спецкурсов, прослушанных студентом на историческом факультете (К.В. Кудряшова «Внешняя политика России XVIII века»; П.А. Зайончковского «Буржуазные реформы 60—70-х гг. XIX в.»; С.С. Дмитриева «Вопросы сельского хозяйства в общественно-научной мысли России конца XVIII — первой половины XIX в.»); планы и тексты собственных выступлений (доклад «Учение Сталина о социалистических нациях», сделанный И.Д. Ковальченко в 1949 г. в секции истории СССР Научного студенческого общества), конспекты исторической литературы, выписки из источников; тексты рефератов кандидатских экзаменов (например, сохранился черновой рукописный вариант реферата по теме «Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева», на реферате стоит подпись автора и даты начала и конца работы над текстом «20.11-5.111 1953 г.»).

Однако то небольшое, что сохранилось, свидетельствует о серьезном намерении студента Ивана Ковальченко освоить профессиональные навыки историка-исследователя, выявляет истоки его научных интересов, которым он посвятил свою творческую жизнь. Многие студенческие сочинения И.Д. Ковальченко были отмечены первыми премиями. В личном архиве сохранились грамоты, которыми он награждался на старших курсах за курсовые работы и доклады. Так, исторический факультет присудил третьекурснику И. Ковальченко первую премию за доклад «Крестьяне и крепостное хозяйство в Тульской губернии во второй половине XVIII в.» (научный руководитель — проф. В.И. Лебедев), а на IV курсе он также получил первую премию за доклад «Экономическая политика Временного правительства» (научный руководитель — доц. С.П. Зиновьева).

Глубину размышлений студента, его стремление сказать свое слово в изучении творчества А.Н. Радищева ярко демонстрируют заметки, которые И.Д. Ковальченко вел во время написания дипломной работы по теме «Основные направления общественно-научной мысли России в решении крестьянского вопроса в конце XVIII — начале XIX в.». К сожалению, текст этого сочинения в личном архиве ученого не сохранился. Заметки по дипломной работе представлены двумя тонкими тетрадами. Одна из них стала заполняться летом или осенью 1951 г. (производство тетради — «II квартал 1951 г.»). Это было время, когда И.Д. Ковальченко перешел на пятый курс. Основное содержание тетради — размышления пятикурсника в связи с анализом литературы о сочинении А.Н. Радищева «Вот описание моего владения, поместья, вотчины, деревни или, назови, как хочешь...». Разбору подвергся ряд статей, среди которых центральное место занимала статья П.Г. Любомирова «Описание моего владения», изданная в книге «Радищев. Материалы и исследования» (М.—Л., 1936). И.Д. Ковальченко выделил в статье две части: «1) источниковедческий анализ; 2) разбор статьи». Оценивая исследование П.Г. Любомирова, студент писал: «1-я часть сохраняет полностью свое значение и по сей день, и здесь без специального исследования едва ли что можно отвергнуть. 2-я часть — анализ. Дело хуже». Далее дипломник выявляет недостатки статьи. Он замечал: «Основной недостаток этой части (а она занимает 4/5 статьи) тот, что Любомиров не исходит при анализе работы Радищева из ее основного идейного смысла. А это очень важно, т. к. это дает возможность правильно истолковать те или иные положения, а правильное их истолкование, в конечном счете, дает конечную оценку. Для этого дает материал и сама статья (Радищева. — Т.К.), и общие взгляды (по другим произведениям) автора».

Как видим, студент вел поиск того центрального звена, которое должно помочь правильно оценить сочинение А.Н. Радищева. Пример анализа статьи П.Г. Любомирова показывает, что студент сознательно стремился уйти от описательности. Он намечал кон-

кретные пути анализа произведения А.Н. Радищева. Встречающиеся в заметках замечания типа «Я не могу сказать...» подчеркивают личное отношение студента к материалу, самостоятельное осмысление им наследия А.Н. Радищева.

Кроме анализа литературы о сочинении А.Н. Радищева, в тетради есть план выступления И.Д. Ковальченко «По первой половине сообщения» (название сообщения не указано. — Т.К.); а также в тетрадь вложены листы с конспектами некоторых статей о сельскохозяйственной науке XVIII в., и, возможно, записи И.Д. Ковальченко после бесед с научным руководителем С.С. Дмитриевым.

Изучив литературу о состоянии сельскохозяйственной науки в России в XVIII в., И.Д. Ковальченко записывал в тетради свои выводы о достоинствах и недостатках работ предшественников. Например, такие обобщения: «Деятели прошлого должны меряться по меркам деятельности предшествующих. Надо сопоставлять с тем, что было до него»; «Надо понятие "демократизм" наполнять конкретными историческими взглядами»; «Ученые даны вне времени и пространства»; «Нет фона. Деятели выглядят одиночками».

Обобщая результаты историографического анализа ряда статей об истории сельскохозяйственной науки, И.Д. Ковальченко записал: «Почти все недостатки проистекают из теоретической беззаботности авторов (подчеркнуто И.Д. Ковальченко. — Т.К.). Отсутствует осмысление понятий базиса и надстройки, науки и жизни». Как видим, уже при подготовке первой самостоятельной научной работы студент осознанно ставил вопрос о роли теории в конкретно-историческом исследовании. Это внимание студента к теории отмечено рецензентом дипломной работы, в те годы к.и.н., доцентом кафедры истории СССР И.А. Федосовым. В личном архиве И.Д. Ковальченко сохранился отзыв оппонента, который датирован 1952 г. и в котором читаем: «Суммируя положительные стороны работы, необходимо заметить: 1). Изучение огромного количества разнотипных источников. Автор показал умение работать над различными источниками — статистические материалы, публицистика, мемуары и пр. 2), Автор не боится больших сложных теоретических вопросов, хотя и решает их далеко не всегда правильно».

Серьезная проработка большого конкретного материала в сочетании с четкой постановкой теоретических проблем единодушно отмечалась в откликах и на последующие научные труды И.Д. Ковальченко. Так, сохранившиеся отзывы П.Г. Рындзюнского и М.К. Рожковой 1950-х годов подчеркивают использование в рецензируемых ими статьях большого объема информации исторических источников, умелую ее обработку, внимание к теоретическим вопросам. П.Г. Рындзюнский писал в своем отзыве: «В ряду аналогичных исследований работа И.Д. Ковальченко выгодно отличается, прежде всего, тем, что очень значительный фактический материал, почерпнутый из прежде необработанных архивных источников, сопряжен в ней с очень интересной и глубокой теоретической разработкой темы». В статье «Хозяйство и экономическое

расслоение барщинных крестьян в Центрально-Черноземных губерниях России в первой половине XIX в.» М.К. Рожкова выделила те же особенности исследовательской практики молодого ученого: «Необходимо также отметить умение И.Д. Ковальченко без навязчивости сочетать детальный фактический материал с теоретическими обобщениями».

Эти проявившиеся еще на ранних этапах научной деятельности И.Д. Ковальченко черты его творческой лаборатории сохраняются на протяжении всей жизни. И допустимо сказать, что путь к написанию монографии «Методы исторического исследования», получившей Государственную премию СССР в 1989 г., Иван Дмитриевич начинал еще в студенческие годы.

В нашей стране И.Д. Ковальченко был пионером в области применения количественных методов в исторических исследованиях. История этого научного направления пока не написана. Принято считать, что И.Д. Ковальченко обратился к количественным методам при написании докторской диссертаций. Опубликованная в 1967 г. на основе докторской диссертации монография «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.» привлекла к себе пристальное внимание советских и зарубежных историков, в том числе и своими новыми методами исследования. Однако, как показывают материалы личного архива И.Д. Ковальченко, его интерес к миру цифр и понимание их возможностей для изучения прошлого обнаружили еще в студенческие годы. Как уже указывалось, работая над дипломным сочинением, И.Д. Ковальченко обратился к анализу сочинения А.Н. Радищева «Вот описание моего владения, поместья, вотчины, деревни или, назови, как хочешь...». Цифры стали для дипломника средством раскрытия замысла автора изучаемого им произведения. В заметках по диплому читаем: «Отсюда ясно, какое большое значение имеют цифры в статье, которые Любомиров сбросил со счета... Любомиров говорит об этом, но никакого вывода сделать не мог, он сам лишил себя оружия, выбросив цифры».

Осмысливая собственное научное творчество в связи со своим 60-летием, И.Д. Ковальченко писал М.В. Нечкиной 20 декабря 1983 г.: «Я... стремился учиться у Вас... широте научных интересов и идей, умению претворять их в фундаментальные труды». Именно потому, что И.Д. Ковальченко целеустремленно, основательно, глубоко разрабатывал актуальную проблематику отечественной истории и методологии, он был исследователем, научные сочинения которого в основном были опубликованы.

Из того, что не было издано, назовем главу «Разложение феодально-крепостнических и зарождение капиталистических отношений в сельском хозяйстве во второй половине XVIII — первой половине XIX вв.», написанную в 1960-х годах Иваном Дмитриевичем совместно с Л.В. Миловым для коллективного труда «Генезис капитализма в странах Западной Европы, Азии и Америки».

В папке с пометой «Неопубликованное» лежала статья «К вопросу об имитационном моделировании в исторических исследованиях» для журнала «Вопросы философии». И.Д. Ковальченко назвал свою статью письмом в редакцию, поскольку это был отклик на помещенную в одном из номеров журнала рецензию на книгу А.С. Гусейновой, Ю.Н. Павловского и В.А. Устинова «Опыт имитационного моделирования исторического процесса» (М., 1984). Редакция не стала публиковать мнение специалиста в области методологии исторического моделирования и возвратила текст отклика с сопроводительным письмом, в котором была названа причина отказа в публикации. Дело в том, что своей статьей-письмом И.Д. Ковальченко стремился положить начало обсуждению на страницах журнала проблем имитационного моделирования, однако редакция сочла эти проблемы непрофильными для философского журнала. В редакционном ответе было написано; «...редакция полагает, что дальнейшее детальное обсуждение проблем имитационного моделирования исторических процессов должно быть делом специалистов, и дискуссия по этим вопросам вряд ли целесообразна на страницах философского журнала».

Еще одна работа И.Д. Ковальченко, не увидевшая свет в том издании, для которого она создавалась, имеет заглавие «Очерки российской истории. Введение. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований». «Очерки российской истории» были задуманы Институтом российской истории РАН в период перестройки. В 1996 г. проект был реализован под заглавием «История России с древнейших времен до конца XX в.» (в трех томах). И.Д. Ковальченко принимал активное участие в организационной работе, начал писать текст «Введения». Однако по каким-то причинам оно не было включено в окончательный вариант «Истории России с древнейших времен до конца XX в.».

В письме в редакцию журнала «Вопросы философии», отказавшуюся напечатать статью И.Д. Ковальченко, историк замечал: «К счастью, остается право у автора опубликовать материал в другом издании или довести его до сведения научной общественности иным способом». Этому правилу он следовал в своей практике, в идеи, разрабатывавшиеся в неизданных сочинениях, находили, безусловно, место в других, опубликованных работах И.Д. Ковальченко. Подтверждением тому служит большая статья «Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах», увидевшая свет в журнале «Новая и новейшая история» (1995. № 1). Это отрывок, по-видимому, из «Введения» к предполагавшимся «Очеркам российской истории».

В личном архиве И.Д. Ковальченко сохранились материалы, отражающие замысел ученого написать несколько крупных монографических исследований. К большому сожалению, замыслу не суждено было воплотиться в жизнь. Одним из препятствий этому стало, как представляется, избрание И.Д. Ковальченко академиком-секретарем Отделения истории АН СССР (РАН) в январе

1989 г. Деятельность на столь высоком и ответственном посту в трудный для отечественной науки период не оставляла времени и сил на реализацию собственных научных планов. В отчете о работе в 1991 г. в разделе «Научно-организационная работа» И.Д. Ковальченко оставил примечание: «Не знаю, что писать, погряз в ней сверх ушей». О чрезмерной занятости организационной работой в эти годы И.Д. Ковальченко сообщал и иркутскому историку С.Ф. Ковалю в письме от 29 марта 1993 г.: «Смутные времена и заботы о хлебе насущном для сотрудников входящих в Отделение истории Российской академии наук институтов, честно говоря, отодвинули на задний план проблемы "Полярной звезды" {с 1986 г. И.Д. Ковальченко стал главным редактором серии «"Полярная звезда". Документы и материалы», выходящей в Иркутске. — Т.К.) и им подобные. Сейчас открылась некоторая возможность заняться ими, хотя, как Вы понимаете, привлекать к ним внимание стало крайне трудно из-за ужасающего пренебрежения нашим прошлым даже со стороны тех людей, которые должны были бы бережно к нему относиться»¹.

Реальность второй половины 1980 — первой половины 1990-х годов XX в. (перестройка, распад Советского Союза, начало рыночных реформ и, главное, научные и ненаучные дискуссии о нашем недалеком прошлом) заставляла всех размышлять о «текущем моменте». Иван Дмитриевич пытался осмыслить современные ему процессы как историк. Он внимательно следил за публицистикой по историческим сюжетам, за публикациями материалов дискуссий. Многие тексты изучал с карандашом в руках, оставляя на страницах публикаций пометы, конспектировал статьи, делал наброски своих наблюдений и мыслей. В архиве имеются подборки опубликованных в конце 1980 — начале 1990-х годов материалов по темам: «Что мы построили?»; «Предпосылки Октября»; «Социализм — капитализм; кризис экономический и политический». В личном архиве сохранился, например, комплект газет об августовском «путче» 1991 г.

Можно предположить, что эти материалы собирались и прорабатывались для написания книги под названием «Исторические судьбы России в XX в. (Размышления историка)». Предварительный машинописный план исследования с таким заглавием сохраняется среди архивных бумаг. Он включает несколько пунктов и имеет собственноручную помету Ивана Дмитриевича «Весна 1991 г.». Однако замысел этой работы может быть отнесен к более раннему времени — по крайней мере к осени 1990 г. Дело в том, что в сентябре 1990 г. И.Д. Ковальченко участвовал в работе Нобелевского симпозиума (Швеция, г. Стокгольм), куда он был приглашен с докладом. Симпозиум проводился по теме «Концепции национальной истории». В личном архиве сохранились материалы

Письмо полностью публикуется в настоящем сборнике.

Нобелевского симпозиума: доклад Ивана Дмитриевича «Проблемы России и Запада в дореволюционной и советской историографии», конспекты выступлений по этому докладу, «Заключительное слово» докладчика после прений, набросок размышлений И.Д. Ковальченко «История и современность (о роли исторического опыта)», план-конспект выступления в Москве о Нобелевском симпозиуме. Эти материалы показывают, что доклад вызвал дискуссию, в которой в том числе затрагивался и вопрос о социализме в нашей стране. Возможно, эта дискуссия стала импульсом для замысла весьма актуальной монографии.

Чуть позже, отдыхая в январе 1991 г. в санатории им. Герцена в подмосковной Кубинке, Иван Дмитриевич завел тетрадь для заметок по разным сюжетам. В плане, предворяющем записи, имеется пункт № 6, обозначенный как «Особенное в нашей истории». Размышлений по этому пункту в тетради нет, но представляется, что его формулировка вполне созвучна идее задуманной монографии.

Для монографии «Исторические судьбы России в XX в. (Размышления историка)» И.Д. Ковальченко успел написать «Введение» (сохранились рукопись и машинопись); главу «Изжил ли себя марксизм? О формационном и цивилизационном подходе к истории»; два варианта еще одной главы «Капитализм и социализм. Чего мы достигли за 70 лет?».

Вторая монография, замысел которой И.Д. Ковальченко вынашивал в последние годы жизни, посвящалась аграрной истории России — главной для ученого проблеме, которую он исследовал в течение многих десятилетий. В подготовительных материалах к ней встречаются два заглавия: одно — «Очерки аграрной истории Европейской России периода капитализма»; второе — «Аграрный строй Европейской России в конце XIX — начале XX в. (к проблеме исторических предпосылок Октябрьской социалистической революции)». Возможно, что эти названия не относятся к одной работе, и Иван Дмитриевич имел в виду две разные монографии. В одну из монографий (если говорить о двух книгах) И.Д. Ковальченко предполагал включить многие из написанных им ранее статей и дополнить книгу новыми текстами в разделах, необходимых для цельной картины аграрного строя России периода капитализма. Подготовительные материалы для монографии откладывались в нескольких папках: это были копии изданных работ И.Д. Ковальченко; новые программы обработки статистических данных; варианты расчетов корреляционных связей признаков; планы, наброски, заметки на полях публикаций историков-аграрников и т. д.

Работая над монографией по аграрной проблематике, И.Д. Ковальченко записал «Введение» к книге на магнитофонную пленку. Однако наговоренное в 1994 г. на пленку стало фактически записью воспоминаний ученого о своем пути в науке.

Иван Дмитриевич называл себя «университетским» человеком. И не только потому, что он учился в университете и его основная научная работа осуществлялась на историческом факультете МГУ.

Он был «университетским» человеком и оттого, что большое место в его жизни занимала педагогическая деятельность. Он воспитал не один десяток известных историков. Личный архив И.Д. Ковальченко содержит значительный по объему материал, отражающий эту сторону профессиональной деятельности ученого. Прежде всего, это неопубликованные тексты лекций по общим курсам «Методологические проблемы исторических исследований», «Историографии»; планы общекафедрального спецсеминара и спецкурсов; планы практических занятий по курсу «Количественные методы в исторических исследованиях».

Научные разработки и педагогические идеи И.Д. Ковальченко были реализованы в ряде учебных пособий по истории СССР, исторической географии, источниковедению, количественным методам, а также в тезисах и докладах, подготовленных для конференций, посвященных вузовскому преподаванию различных исторических дисциплин.

Своей демократичностью, мудростью, добросердечностью И.Д. Ковальченко притягивал к себе людей разных возрастов. Во внеучебное время Иван Дмитриевич часто выступал перед студентами и аспирантами исторического факультета по научным и общественно-политическим вопросам. Для обеих сторон потребность в таком общении заметно возросла в годы перестройки, и И.Д. Ковальченко охотно встречался с молодежью не только исторического факультета МГУ, но и других вузов. Ученый бережно сохранял все записки, которые ему присылались во время подобных бесед, потом нередко вспоминал об этих встречах. Особенно памятна ему была встреча с молодежью Сыктывкарского университета, где он выступал в 1987 г. и где студенты засыпали его разными вопросами (вопросы, поданные в письменном виде, сохранились в личном архиве академика). Заметим, что после поездки в Сыктывкар И.Д. Ковальченко высказал пожелание передать свою личную библиотеку в этот университет. Воля ученого была выполнена в 1997 г.

В группу архивных материалов, которые представляют научно-организационную деятельность И.Д. Ковальченко, вошли разнообразные документы. Они отражают значительный объем работы, проведенной ученым в этой области. И.Д. Ковальченко занимал ответственные посты в МГУ им. М.В. Ломоносова и в АН СССР (РАН), долгие годы возглавлял редакцию журнала «История СССР», был руководителем многих делегаций советских историков на международных конференциях, симпозиумах, коллоквиумах и т. д.

Деятельность И.Д. Ковальченко на этих постах представлена в архивных документах по-разному. Например, более или менее подробно можно восстановить деятельность И.Д. Ковальченко в области международного сотрудничества. Ее освещают материалы, связанные с подготовкой и проведением различных встреч советских и зарубежных историков; деловая переписка, отчеты о работе советских делегаций и персонально И.Д. Ковальченко за рубежом (или в СССР, если встречи были у нас в стране), планы и проекты

сотрудничества по разным направлениям, программы встреч и т. д. Но практически отсутствуют материалы о деятельности И.Д. Ковальченко на постах главного редактора журнала «История СССР», заместителя академика-секретаря и академика-секретаря Отделения истории АН СССР (РАН), заведующего кафедрой источниковедения, историографии и методов исторического исследования на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Последнюю, четвертую, группу материалов личного архива И.Д. Ковальченко представляют так называемые материалы личного происхождения: переписка, дневники, воспоминания и заметки мемуарного характера.

Корреспонденция (письма, телеграммы, почтовые открытки) составляют самую большую долю в совокупности материалов личного происхождения. Насчитывается около 750 почтовых отправлений из различных университетских и академических городов Советского Союза и из-за границы.

Как правило, в личных архивах сохраняются письма лиц, с которыми фондообразователь поддерживал письменные контакты. Архив И.Д. Ковальченко не является исключением. Здесь мы обнаруживаем большое количество писем к И.Д. Ковальченко, и малое — писем, написанных им самим. Так, соотношение писем к ученому и писем, написанных им самим, выглядит примерно как 10:1. Если же рассматривать соотношение писем И.Д. Ковальченко к иностранным корреспондентам и к соотечественникам, то последних в два раза меньше, чем первых. Такое соотношение сохраненных в личном архиве писем И.Д. Ковальченко объясняется тем, что прежде, чем отправить письмо за границу, необходимо было написать его текст для переводчика. Поэтому в архиве сохранилось некоторое количество (конечно, не все) так называемых отпусков. В то же время письма к отечественным корреспондентам писались без черновиков. Правда, в очень редких случаях использовалась пишущая машинка, поэтому остались машинописные копии писем.

В реальности И.Д. Ковальченко написал огромное количество писем. Он отвечал почти на все письма, ему адресованные и присланные даже от незнакомых и далеких от истории людей.

Письма к И.Д. Ковальченко присылались из самых разных географических точек: из многих республик Советского Союза, из США, ФРГ и ГДР, Польши, Венгрии, Японии, Румынии, Франции, Англии,

Корреспонденция носит, как правило, деловой и официальный характер, но при длительной переписке люди переходили на дружеский тон. Например, один из американских ученых начинал свое послание словами «Dear Vanja».

Обращаясь к И.Д. Ковальченко, корреспонденты в своих письмах вносили предложения по каким-либо вопросам, просили совета и помощи в тех или иных делах, высказывали свое мнение о новых работах ученого, вели дискуссии и т. д.

Другую разновидность материалов личного происхождения составили дневники. И.Д. Ковальченко не был чужд идее ведения дневника и неоднократно претворял ее в жизнь. Свой сентябрьский дневник 1945 г. он начинал, к примеру, такими словами: «В который уже раз решил снова вести дневник». Это красноречивое признание в том, что за свою почти 22-летнюю жизнь молодой человек многократно начинал дневниковые записи.

Позже И.Д. Ковальченко вел дневники во время некоторых поездок за границу. Необходимость подобных записей во время дальней и напряженной научной командировки очевидна: календарско-доскоп населенных пунктов, лиц и имен стирал в памяти впечатления предыдущего дня. Именно о таких дневниковых записях во время поездок говорил поэт П.А. Вяземский: «Часто отметки его {дневника В.А. Жуковского. — Т.К.} просто колья, которые путешественник втыкает в землю, чтобы обозначить пройденный путь, если придется на него возвратиться, или заголовки, которые он записывает для памяти, чтобы после на досуге развить и пополнить». Иначе говоря, эти записки могли быть использованы для создания различных отчетов, мемуаров.

Дневниковые записи были сделаны И.Д. Ковальченко в 13-ти заграничных поездках: в США (1975, 1976, 1979, 1982, 1985 гг.), ФРГ (1973, 1991, 1994 гг.), Англии (1972 г.), Индии (1977 г.), Италии (1971 г.), Швейцарии (1986 г.), Швеции (1989 г.). Дневники представляют собой, как правило, краткие записи о встречах и беседах, экскурсиях, заседаниях и т. д., имевших место в дни командировок. Небольшие блокноты заполнялись на ходу, слова часто сокращались, встречаются описки. Все свидетельствует о том, что записи в дневники действительно вносились во время поездок.

Собирался ли И.Д. Ковальченко «возвращаться на пройденный путь»? На этот вопрос, скорее всего, надо дать положительный ответ. В плане к задуманным записям, сделанном в санатории в Кубинке в январе 1991 г., сформулирован такой пункт — «У них». Этому пункту предшествуют формулировки — «Зарождение советской клиометрии»; «Московский университет»; «Академия наук». Исходя из этих пунктов плана, можно предположить, что И.Д. Ковальченко намеревался рассказать о своем пребывании за границей, и для таких воспоминаний дневники должны быть надежным подспорьем.

Остановимся еще на одном интересном документе, названном И.Д. Ковальченко «Летопись научной, учебной и общественной работы с 1956 г.». Тетрадь с «Летописью...» была заведена как символ нового этапа в жизни ученого: после окончания аспирантуры в 1955 г. и защиты кандидатской диссертации начинался период самостоятельной научной и педагогической деятельности на историческом факультете МГУ. Записи в «Летописи...» велись на протяжении нескольких лет — с 1956 г. до начала 1960-х годов (записи за 1967/68 учебный год были дополнением к основному тексту). «Летопись...» в краткой форме фиксировала факты трудовой и об-

щественной деятельности, а по сути своей это была форма индивидуального планирования работы и учета ее выполнения. В тетради есть «Оглавление» по нескольким рубрикам; первая рубрика учитывала «Научную работу», в которой записывались «Вышедшая научная продукция»; «План научной работы и его выполнение»; «Сделанные научные доклады»; «Научные командировки». Вторая рубрика посвящалась «Учебной работе» («Чтение общих курсов», «Спецкурсы», «Спецсеминары», «Семинары», «Список дипломников»). Третья рубрика фиксировала «Общественную работу»,

В «Плане научной работы» на 1958 и 1959 гг. содержится запись, согласно которой на 1959—1965 гг. И.Д. Ковальченко запланировал написание монографии «Помещичье хозяйство Центрально-Нечерноземных губерний в первой половине XIX в.». Однако уже в записи «Плана» на 1960 и 1961 гг. отмечено: «Монография по указанной теме. Тема изменена на следующую: "Помещичьи крестьяне Центрально-Нечерноземных губерний в первой половине XIX в."». На 1962 и 1963 гг. в «Плане» записан «сбор материалов». В данном случае речь идет о подготовке докторской диссертации, которая была успешно защищена в 1966 г.

Позднее И.Д. Ковальченко вложил в тетрадь листы с новыми сведениями о своей научно-организационной работе. На листах были указаны и новые рубрики: «Ученые советы*»- и «Другие советы и комиссии»; список дипломников и тем их дипломных работ за 1972—1978 гг. {всего 20 имен}; «Оппонирование докторских диссертаций» — список из 18-ти имен за 1969—1981 гг.

Несмотря на крайне лаконичный характер информации, источник позволяет говорить о значительном объеме работы, который И.Д. Ковальченко выполнял на протяжении ряда лет на самых разных участках. Кроме того, «Летопись...» характеризует И.Д. Ковальченко как целеустремленную и организованную личность.

Еще одна форма письменных текстов И.Д. Ковальченко условно может быть определена как мемуарная. Это записи о недавнем прошлом, фактически о современности. Самые ранние воспоминания были написаны И.Д. Ковальченко во время лечения в пятигорском санатории в 1961 г. и назывались «Из былого и дум». Другие, как уже указывалось, возникли в 1994 г. в ходе работы над монографией по аграрной истории России. Остальные записи, сохранившиеся в личном архиве И.Д. Ковальченко, по форме являются размышлениями, а по содержанию касаются «текущего момента» как на международной арене, так и внутри страны.

Подводя черту под кратким обзором личного архива академика И.Д. Ковальченко, можно высказать несколько наблюдений о представительности архивных материалов. Во-первых, архив формировался одним человеком, архивы других лиц в него не вливались. Во-вторых, как и любой другой архив, личный архив И.Д. Ковальченко характеризуется фрагментарностью и мозаичностью представленных в нем документов. На объем и состав архивных материалов повлияли обстоятельства жизни (отсутствие ус-

ловий для хранения материалов, переезды с квартиры на квартиру: с Тульской улицы в Главное здание МГУ, оттуда на Ломоносовский проспект и, наконец, на последнюю квартиру), а также установки самого ученого. Одной из таких установок, как представляется, было стремление ученого не засорять свой архив лишними (ненужными) бумагами. Поэтому время от времени И.Д. Ковальченко, скорее всего, «чистил» свой архив. Это предположение подтверждается, например, отсутствием среди архивных материалов блокнотов-ежедневников. Многие коллеги Ивана Дмитриевича помнят небольшие книжечки, которые он носил при себе и в которые записывал все предстоящие деловые встречи. Ни одного такого блокнота сейчас в личном архиве нет. По всей видимости, они уничтожались по окончании года.

Иван Дмитриевич не ставил целью сохранить каждый документ, так или иначе связанный с его именем и его деятельностью. В личном архиве нет ряда материалов, которые, казалось бы, обязательно должны здесь сохраняться. Имеются в виду беловые или черновые варианты документов, копии документов с подписью И.Д. Ковальченко, исходившие из университетских и академических комиссий, членом или председателем которых он являлся. В настоящее время некоторые из этих документов, находящиеся в разных архивохранилищах, стали появляться в журнальных публикациях.

Личный архив И.Д. Ковальченко, скорее всего, изначально не формировался как мемориальный. Это был «живой» архив, работающий на сегодняшний и будущий день. Иван Дмитриевич сохранял те материалы, которые были необходимы ему для текущей исследовательской, педагогической и научно-организационной деятельности.

Из этого наблюдения вытекает следующее. Для будущего биографа Ивана Дмитриевича Ковальченко материалы его архива, безусловно, будут базовыми при изучении научной и педагогической деятельности академика, но биографу не обойтись без поиска документов и в других хранилищах: в личных архивах современников ученого и учреждениях, в которых он учился и затем служил. Об успешных перспективах подобного поиска говорят первые шаги в разыскании писем И.Д. Ковальченко; находки, сделанные в Архиве РАН, а также в личных архивных фондах в Воронеже, Иркутске, Брянске. Вкупе со всеми другими сохраняемыми в личном архиве академика материалами они обогатили наше представление об Иване Дмитриевиче как талантливом ученом и педагоге, мудром человеке, честном гражданине и патриоте своей страны.

Т.А. Круглова